

Ограничительная форма конституционно-правового гарантирования свободы массовой информации

М.А. Тульнев ©

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: 738330@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье обоснован авторский подход к гарантирующему потенциалу ограничительной формы регулирования свободы массовой информации. Актуальность поиска таких гарантий обоснована высоким уровнем развития информационного общества – получение информации из традиционных форматов вытесняется онлайн-источниками. В этой связи на первый план выходят вопросы баланса в гарантировании не только свободы массовой информации и иных субъективных прав, но также обеспечения информационной безопасности. В качестве итога осуществленного авторского анализа российского законодательства выступили следующие виды гарантий свободы массовой информации, изложенные в ограничительном ключе: запрет цензуры средств массовой информации; недопустимость злоупотребления свободой массовой информации; жизнь и здоровье и детей и несовершеннолетних как ограничительные и запретительные основания распространения информации; диффамационное право журналиста в конституционно-правовой плоскости.

Ключевые слова: свобода слова, средства массовой информации, правовые ограничения, запреты, цензура

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тульнев М.А. Ограничительная форма конституционно-правового гарантирования свободы массовой информации // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 62–66. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-62-66

Restrictive form of constitutional and legal guarantee of mass media freedom

М.А. Tulnev ©

Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation

E-mail: 738330@bsu.edu.ru

Abstract. The article substantiates the author's approach to the guaranteeing potential of a restrictive form of regulation of mass media freedom. The relevance of searching for such guarantees is justified by the high level of development of the information society – getting information from traditional formats is being replaced by online sources. In this regard, issues of balance in guaranteeing not only freedom of the media and other subjective rights, but also ensuring information security come to the fore. As a result of the author's analysis of Russian legislation, the following types of guarantees of freedom of the mass media, set out in a restrictive way: prohibition of censorship of mass media; inadmissibility of abuse of freedom of the mass media; life and health of children and minors as restrictive and prohibitive grounds for dissemination of information; defamation of the right of a journalist in the constitutional and legal plane.

Keywords: freedom of speech, mass media, legal restrictions, prohibitions, censorship

FOR CITATION: Tulnev M.A. Restrictive form of constitutional and legal guarantee of mass media freedom. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 62–66. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-62-66

ВВЕДЕНИЕ

Любая свобода не может быть абсолютной, а в современном понимании ее ограничение возможно только в соответствии с законодательно предусмотренными основаниями. Таким образом, полагаем, целесообразен тезис об ограничении, как имманентном свойстве права [Згонников, 2019: 46–49]. С точки зрения дефиниции правового ограничения, мы разделяем мнение А.В. Малько: «ограничение есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [Малько, 2005]. Следовательно правовыми ограничениями могут выступать запреты, приостановления, обязанности, меры наказания и т.д.

В данной связи запрет рассматриваем в качестве «государственно-властных сдерживающих средств, которые под угрозой ответственности должны предотвращать нежелательные деяния, противоправные» [Административное право, 2016; Новикова, 2019: 12–14].

В юридической литературе соотносят ограничения и запреты «путем сопоставления функциональных характеристик данных категорий, согласно которым запрет обладает исключительным режимом вытеснения нежелательного поведения из социальной среды, а ограничения устанавливают границы, определяющие критерии социально допустимого поведения» [Соболев, 2019: 77–81]. В целях настоящего исследования мы солидаризируемся с позицией указанных авторов, расценивая ограничение и запрет в качестве правовых средств с дифференцированным функционалом.

На наш взгляд, легализованные в российском законодательстве ограничения и запреты в отношении свободы массовой информации могут быть интерпретированы не только в качестве пределов и должностовования в поведении, но также в качестве гарантий этой свободы. Именно ограничения определяют границы установленной свободы, а запрет – действия, несовместимые с законом.

1. ЗАПРЕТ ЦЕНЗУРЫ

Полагаем, в ряду заявленных гарантий ключевое место отведено запрету цензуры. Как отмечает В.Д. Зорькин, ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации содержит, по крайней мере, две взаимосвязанные нормы: провозглашение гарантии свободы массовой информации и запрет цензуры. «Они находятся в системной связи, но не только друг с другом, каждая из этих норм в отдельности связана с нормами других частей данной статьи» [Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный), 2011].

Объединение указанных установлений в одной норме, считаем, подчеркивает исключительную важность полного и абсолютного конституционного запрета цензуры в связи с обеспечением свободы массовой информации.

Исходя из того, что цензура равным образом сопоставима с любой из частей ст. 29 Конституции Российской Федерации, в юридической науке в нее объективно включают три семантических ряда:

- незаконное ограничение права редакций средств массовой информации «воспроизводить полученные законным способом документы, излагать свои мнения и оценки, распространять подготовленные сообщения и материалы»;
- ограничение беспрепятственного доступа ко всем находящимся в фондах государственных, муниципальных и иных общедоступных библиотек печатным изданиям и аудиовизуальной продукции, а также находящимся в фондах государственных, муниципальных и иных музеев музейным предметам и музейным коллекциям;
- санкционированный в установленном порядке просмотр корреспонденции осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, а в случае установления военного положения корреспонденции – и других лиц» [Куликова, 2011: 12–16].

Отметим, что каждый из обособленных аспектов цензуры регламентирован собственным специальным законодательством, которое состоит из комплекса актов, но только Закон «О средствах массовой информации» легализовал определение цензуры (ст. 3)¹. Формулировка, запрещающая «предварительную и последующую цензуру, призвана обеспечить самостоятельность внутриредакционной деятельности, а также сделать недопустимой советскую практику изъятия и уничтожения печатной продукции, применения технических средств, заглушающих радиопередающие устройства и т.д.» [Куликова, 2011: 12–16]. Хотя судебная практика все же интерпретировала обоснованные случаи подобных действий, исключая цензуру (п. 14 Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 15 июня 2010 г. № 16)².

Запрет цензуры также не исключает обязанность государства в соответствии с ч. 2 ст. 34 Конституции Российской Федерации осуществлять контроль за рынком средств массовой информации в той части, в какой информационная деятельность является частью экономической деятельности [Комментарий к Конституции Российской Федерации, 2011]. Однако такая контрольная деятельность не должна противоречить ст. 58 Закона «О средствах массовой информации».

Необходимо отметить, что с цензурой нельзя отождествлять ограничения, рассматриваемой свободы на основе с ч. 2 ст. 29 и ч. 3 ст. 55 Конституции и соответствующих законов. В России гарантированная в конституционно-правовом формате свобода массовой информации с запретом цензуры на законодательно установленных основаниях может быть ограничена в условиях чрезвычайного и военного положения³.

¹ Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 01.03.2020) // Российская газета. 8 февраля 1992; 3 марта 2020.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. 18 июня 2010; 17 февраля 2012.

³ См.: федеральные конституционные законы от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4153; от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 01.07.2017) // Российская газета. 2 февраля 2002; 4 июля 2017.

2. ДИФФАМАЦИОННОЕ ПРАВО

Известно, что степень открытости, свободы, независимости средств массовой информации непосредственно влияет на демократический характер государства.

Однако такая свобода для журналиста также не является абсолютной, она ограничена конституционным правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23). В юридической литературе соблюдение баланса в реализации ч. 1 ст. 23 и ст. 29 Конституции России получило наименование диффамационного права. Если его рассматривать с точки зрения приоритетов, защищаемых правом вообще, где на первом месте находятся права, свободы и законные интересы конкретного человека, то оно приобретает весьма важное значение в качестве основного источника регулятивных и охранительных норм, в соответствии с которыми строятся отношения между личностью и средствами массовой информации [Потапенко, 2002: 33–35].

В современном российском законодательстве термин «диффамация» не отражен, однако к нему обращаются на уровне судебной практики⁴ и идентифицируют только с гражданско-правовым аспектом (ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Такой линейный подход опровергается сложившейся во многих странах практикой, определяющей диффамацию одновременно и как гражданско-правовой деликт, и как преступление.

В современных условиях нам более импонирует подход, согласно которому понятие диффамации распространяется и на конституционно-правовую плоскость: злоупотребление свободой слова и свободой массовой информации, правом свободно распространять информацию любым законным способом (ч. 1, 4, 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации) с целью опорочить других лиц [Смирнова, 2007: 7–9].

В настоящее время большинство судов в демократических странах исходит из позиции, что общественный интерес в публичном обсуждении серьезных вопросов должен перевешивать законную цель защиты репутации других лиц [Основные международные нормы, относящиеся к свободе выражения мнений, 2011]. Следовательно, есть основания утверждать, что мировая практика идет по пути непризнания статуса правонарушения за распространением порочащих лицо сведений, если эти сведения в силу тех или иных причин представляют значительный интерес для общества [Смирнова, 2007: 7–9]. Полагаем, сложившаяся практика все-таки является односторонней и требуется объективная оценка нарушения конституционных ценностей для приятия решений, соблюдающих баланс конституционных норм ч. 1 ст. 23 и ст. 29. Тем более, что такая позиция была изложена высшей судебной инстанцией страны: «при применении законодательства, регулирующего вопросы свободы слова и свободы массовой информации, обеспечивать баланс между правами и свободами, гарантированными ст. 29

Конституции Российской Федерации, с одной стороны и иными правами и свободами человека и гражданина, а также охраняемыми российской Конституцией ценностями – с другой»⁵.

3. НЕДОПУСТИМОСТЬ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ СВОБОДОЙ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Гарантирующее свободу массовой информации ограничение мы также связываем с недопустимостью злоупотребления свободой массовой информации, формализованной в ст. 4 Закона «О средствах массовой информации».

Уточним, что термин «недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» не имеет официальной законодательной трактовки, но с учетом юридической доктрины расшифровывается в качестве использования предоставленных средствам массовой информации гарантий прав и свобод во вред обществу или государству [Захарова, Коржов, Кайль, 2018]. При этом важно учесть, что злоупотребление свободой массовой информации согласно ч. 1 ст. 59 Закона «О средствах массовой информации» влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность.

Для вступления рассматриваемой статьи в законную силу необходимо, чтобы информация, была размещена в издании, являющемся официально зарегистрированным средством массовой информации. В противном случае возможно наступление ответственности, но по иным нормам права, к примеру, согласно федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶.

Особого внимания заслуживает безусловный и категоричный запрет на распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия) (ч. 6 ст. 4 Закона «О средствах массовой информации») [Боровиков, Боровикова, 2015].

В данном случае законодатель исходит из того, что отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции, регламентированы отдельным Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁷. В Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» «государственное регулирование в сфере применения

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. 18 июня 2010; 17 февраля 2012.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 03.04.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2035.

⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 03.04.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2035.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

информационных технологий предполагает обеспечение информационной безопасности прежде всего детей (п. 4 ч. 1 ст. 12)» [Рыбаков, Рыбакова, 2018: 27–31].

Кроме того, общая норма о защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, содержится в ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁸.

Отметим, что российское законодательство, как и международное, считает ребенком лицо до достижения им возраста 18 лет (ст. 1 Конвенции о правах ребенка⁹ и ст. 1 федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ).

Совокупно представленное законодательство в ограничительном ключе регулирует распространение информации средствами массовой информации с учетом безопасности детей. В связи тем, что предметом нашего исследования выступают средства массовой информации, но не информация в целом, целесообразно говорить об информационной продукции. Ее понятие легализовано в ст. 2 федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Считаем, именно с информационной продукцией следует коррелировать закрепленные ст. 5 федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей; запрещенной для распространения среди детей; распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено.

В условиях массового использования сети Интернет несовершеннолетними «особое значение приобретает идея использования для регулирования интернет-отношений правовой конструкции средства массовой информации с его обязательной регистрацией» [Маркарян, 2012: 11–13]. Полагаем, внесенное предложение достойно научной дискуссии для выработки вариантов дальнейшей формализации.

⁸ Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; 2019. № 52 (ч. 1). Ст. 7832.

⁹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев И.А., Свистунов А.А., Станкевич Г.В. и др. Административное право: учебник. [Электронный ресурс]. М.: Проспект, 2016.
2. Боровиков В.Б., Боровикова В.В. Средства массовой информации и предупреждение преступлений несовершеннолетних // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 5. С. 116–121.
3. Захарова Н.А., Коржов В.Ю., Кайль А.Н. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС Консультант-Плюс, 2018.
4. Згонников П.П. Правовая природа ограничений прав // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 46–49.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.

В целом, по поводу федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ мы солидарны с мнением, что он «не преследует целей оградить детей от проблем и сложностей современной жизни и «создать иллюзию, что в мире не существует зла, насилия, смерти». Однако доносить до детей такого рода информацию необходимо тогда, когда они способны ее понять и принять, и в такой соответствующей их возрасту деликатной форме, чтобы эта информация не причинила вред их психическому здоровью» [Шельменков, 2012: 75–79].

Ребенок, пострадавший в результате противоправных действий (бездействия) должен быть в равной степени защищен и от распространения информации в сети Интернет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве гарантий свободы массовой информации следует воспринимать ограничительные и запретительные правовые средства с учетом правоприменительной рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации (Постановление от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”») о балансе между правами и свободами ст. 29 Конституции Российской Федерации и иными конституционно формализованными правами и свободами человека и гражданина. В их числе следующие конституционно-правовые установления:

- запрет цензуры средств массовой информации (ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»);
- недопустимость злоупотребления свободой массовой информации (ст. 4 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и иное отраслевое законодательство);
- жизнь и здоровье и детей и несовершеннолетних как ограничительные и запретительные основания распространения информации (ст. 4 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»);
- диффамационное право журналиста в конституционно-правовой плоскости ч. 1 ст. 23 и ст. 29.

REFERENCES

1. Alekseev I.A., Svistunov A.A., Stankevich G.V. et al. Administrative law: Textbook. [Electronic resource]. Moscow: Prospect, 2016.
2. Borovikov V.B., Borovikova V.V. Mass media and the prevention of juvenile delinquency. *Business in Law. Journal of Economics and Law*. 2015. No. 5. Pp. 116–121. (In Russ.)
3. Zakharova N.A., Korzhov V.Yu., Kail A.N. Commentary on the Law of the Russian Federation of December 27, 1991. No. 2124-1 “On the Media” (itemized). *ATP Consultant Plus*, 2018. (In Russ.)
4. Zgonnikov P.P. Legal nature of restrictions of rights. *Russian Justice*. 2019. No. 4. Pp. 46–49. (In Russ.)
5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (itemized). V.D. Zorkina (ed.). Moscow: Norma, Infra-M, 2011. 1008 p.

6. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры: понятие, признаки и гарантии // Информационное право. 2011. № 2. С. 12–16.
7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005, 250 с.
8. Маркарян Р.В. Основные направления совершенствования правовой защиты детей от распространения через информационно-коммуникационные сети информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 4. С. 11–13.
9. Новикова А.Е. Запрет как форма объективации правозащитных рисков // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 12–14.
10. Основные международные нормы, относящиеся к свободе выражения мнений // Российский бюллетень по правам человека. 2001. № 14.
11. Потапенко С. Институт диффамации и российское законодательство // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 33–35.
12. Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С. Ребенок и интернет-пространство: вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31.
13. Смирнова А.А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 7–9.
14. Соболев О.В. Соотношение запретов и ограничений прав граждан в административной деятельности органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 77–81.
15. Туманов А.И. Цензура в кинематографе как инструмент информационного противоборства // Социально-политические науки. 2019. № 6. С. 44–50.
16. Шельменков В.Н. О характеристике Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Административное и муниципальное право, 2012. № 2. С. 75–79.
6. Kulikova S.A. Constitutional prohibition of censorship: concept, signs and guarantees. *Information Law*. 2011. No. 2. Pp. 12–16. (In Russ.)
7. Malko A.V. Incentives and limitations in law. Moscow, 2005, 250 p.
8. Markaryan R.V. The main directions of improving the legal protection of children from dissemination through information and communication networks of information harmful to their health and development. *Issues of juvenile justice*. 2012. No. 4. Pp. 11–13. (In Russ.)
9. Novikova A.E. The ban as a form of objectification of human rights risks. *Law and the State: Theory and Practice*. 2019. No. 9 (177). Pp. 12–14. (In Russ.)
10. Basic international norms related to freedom of expression. *Russian Bulletin on Human Rights*. 2001. No. 14. (In Russ.)
11. Potapenko S. Institute of Defamation and Russian law. *Russian Justice*. 2002. No. 6. Pp. 33–35. (In Russ.)
12. Rybakov O.Yu., Rybakova O.S. The child and the Internet space: Issues of legal security support. *Information Law*. 2018. No. 1. Pp. 27–31. (In Russ.)
13. Smirnova A.A. Defamation as an abuse of freedom of speech and information (constitutional and legal aspect). *Constitutional and Municipal Law*. 2007. No. 9. Pp. 7–9. (In Russ.)
14. Sobolev O.V. The ratio of prohibitions and restrictions on the rights of citizens in the administrative activities of executive authorities. *Administrative Law and Process*. 2019. No. 2. Pp. 77–81. (In Russ.)
15. Tumanov A.I. Censorship in the cinema as a tool of information confrontation. *Socio-political Sciences*. 2019. No. 6. Pp. 44–50. (In Russ.)
16. Shelmenkov V.N. About the characterization of the Federal Law “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”. *Administrative and Municipal Law*. 2012. No. 2. Pp. 75–79. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 22.06.2020

The article was received on 11.05.2020, accepted for publication 22.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тулнев Михаил Анатольевич, аспирант кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета. Белгород, Российская Федерация. E-mail: 738330@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mikhail A. Tulnev, graduate student of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University. Belgorod, Russian Federation. E-mail: 738330@bsu.edu.ru